

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО: СИМВОЛИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Всякое политическое действие состоит из двух частей: инструментальной, ориентированной с помощью рационального целеполагания на утилитарно-прагматические цели (борьба за власть, собственность, статусные позиции и т.п.) и экспрессивной, символической, направленной на личностную интерпретацию поступающих в адрес социального субъекта коммуникативных сообщений. «Для большинства людей политика проигрывается главным образом в голове как поток образов..., создающих паноптикум их мира» [1, с. 4]. Часть этих «образов» непосредственно присвоена человеком в процессе социализации. Другая же, сконструированная «рукотворно», является одним из искусственных языков, следствием специального политического менеджмента. «Политическая коммуникация все чаще основывается на системе обмена образами и символическими значениями. Распространение образов превращает избирательное поле в настоящий мир знаков, где хитрые подмастерья сокровенного смысла заместили картезианских резонеров» [2, с. 269]. Политические символы представляют собой «политический дизайн», который воздействует на мир политических представлений членов социума, актуализируя и трансформируя его. Как справедливо заметил немецкий исследователь Сарцинелли, «чем виртуознее играет современный политик на клавиатуре символической политики, тем успешнее его деятельность» [3, с. 165].

Необходимо учитывать, что символическая коммуникация отнюдь не исключает из своей структуры действия инструментальные. Наоборот, она их предполагает, поскольку по своей природе целерациональна и связана с использованием материальных средств для осуществления поставленных целей.

Прежде чем говорить о содержании символических коммуникаций в системе политического лидерства, необходимо провести понятийные разграничения между близкими по содержанию дефинициями – «политическая символика» и «символическая политика».

«Политическая символика» состоит из оптических, акустических и словесных стимулов, которые затрагивают сферу политики и используются в политической деятельности. Понятие же «символическая политика» выражает конкретное употребление политической символики, связано с процессуальными действиями конкретных политических субъектов и с необходимостью включает в себя определенную совокупность действий, связанных с производством символических эффектов.

В символической политике лидера можно выделить два основных содержательных параметра – семиотический и герменевтический. Первый связан с ее «знаковой» природой, которая выступает как средство выражения смысла на основе придания (приписывания) конкретному знаку некоторого значения. «Под политическими символами, – констатирует Баталов, – понимаются знаковые средства, имеющие чувственно-наглядную или абстрактную форму и репрезентирующие элементы политического мира... нацию, политическую систему, конк-

ретные политические режимы и институты, отношения, убеждения, позиции. По своей экспрессивной форме политические символы могут быть предметными (флаг, герб, архитектурные сооружения...); вербальными (конституция, гимн, песни); бихевиоральными (церемонии, парады, демонстрации)» [4, с. 162]. В количественном отношении исследователи выделяют от 10 до 16 форм политических символов [5, с. 360; с. 46-47].

Содержание символических систем, используемых государственным лидером, является отражением господствующих в определенном обществе конституирующих элементов политической культуры. Следует также добавить, что политические лидеры не только оперируют наличными символическими системами и создают новые, но также сами являются ее элементами. Любые их действия, учитывая политический статус, подвергаются интенсивной символизации и начинают рассматриваться как манифестация «киной» действительности.

Символ является не только семиотическим, но и герменевтическим феноменом, поскольку своеобразие символизации основывается на перцептивной способности понять целостную связь между отдельными знаками, произведя для этого необходимые декодировки и расшифровки символических знаков. «Кто занимается, – отмечает Сарцинелли, – в рамках исследования политической культуры символикой, символизацией, символическими действиями, тот ставит в центр своего интереса проблемы восприятия реальности и ретрансляции реальности», т.е. проблемы герменевтического свойства [6, с. 295].

В своем первоначальном значении символы означают «связывание», «сшивание» разделенного. Они являются особым знаком, представляющим собой конкретизацию или осуществление смысла. Символы не предполагают однозначную соподчиненность признака и значения, а открыты для различных интерпретаций. По этой причине в них всегда можно обнаружить наличие «некоего смысла, интимно слитого с образом, но ему не тождественного», а это значит, что им присуща «теплота сплывающей тайны» [7, с. 826-827]. На уровне политического лидерства этот «образ», с одной стороны, получает свое человеческое проявление, а с другой, предельно этатизируется.

Символы, как «образы смысла», являются, таким образом, не чем-то предметно-вещественным, а динамичным социальным отношением, актуализирующим не только представления, но и чувства, образы и оценки. Символы побуждают человека к идентификации, проекции, определенным формам каузальной атрибуции, выступают важнейшим социальным стимулом. Символы не отражают и не демонстрируют действительность как таковую, ее качественные связи и отношения, а их трансцендируют, редуцируют и конструируют. Эффективный политический лидер должен оперировать символическими системами таким образом, чтобы обеспечить их адекватное восприятие, понимание и истолкование последователями, что достигается только в рамках идентично «измеряемого» поля культуры. Вследствие этого политический лидер не произволен в выборе символических систем. Он должен соизмерять их с ценностными ориентациями последователей, что достигается через общие политико-культурные коды расшифровки символических сообщений.

В научной литературе среди типологий политического лидерства «символическое лидерство» выделяется только отдельными исследователями. Основная причина этого состоит не в пренебрежении символическими аспектами деятельности лидера, а в широко распространенных интерпретациях символа как «заменителя» сущностных параметров явлений и процессов. В свете этого символическое лидерство воспринимается некоторыми исследователями как дезориентирующее понятие, поскольку прилагательное «символический» в их

понимании производит впечатление, что этот вид лидерства «недействительный», «мнимый», имитирующий «подлинное лидерство».

Термин «символическое лидерство» активно используется немецким исследователем Нойбергером, интерпретирующим его «как лидерство, которое опирается и основывается на категории смысла», который «предметен и фактически узнаваем в символах» [8, с. 247]. В символическом лидерстве лидер действует на последователей опосредованно, а именно, посредством действия X, которое последователями подвергается оценке и столкновению, а также через влияния Y (внешние условия деятельности – содержание и распределение задач, система вознаграждения, организационные принципы). Так как используемые лидером символические системы являются многоаспектными, то важнейшей его задачей является проблема создания символических знаков, адекватных смысловому содержанию.

Категория «символическое лидерство» анализируется при этом как противостоящая модели «ситуативного лидерства», в основе которого лежит ориентация на рационально-индивидуальное принятие решений: рациональный актер приближается к цели при соблюдении всей имеющейся информации с минимальными издержками. «Модели ситуативного лидерства, – отмечает Нойбергер, – воспринимают действительность позитивистски, естественнонаучно, поскольку объективная реальность представляется для них как объективно познаваемая, детерминанты которой обнаруживаются эмпирическим путем в системе закономерностей» [9, с. 247]. Ситуативное лидерство основано на принципах однозначности, ясности, прозрачности и объективности. В нем персональный фактор отходит на задний план, поскольку в данном типе лидерства существуют ограниченные возможности для проявления подлинно человеческих качеств: спонтанности, интуиции, творчества и т.п.

Коммуникативное взаимодействие лидера и последователей с неизбежностью сопряжено с осуществлением определенной символической политики, которая видоизменяется как в своем конкретно-персональном, так и в историко-типологическом проявлении. В системе политического лидерства можно выделить группу функциональных характеристик символической политики, имеющих универсально-историческое значение.

Речь идет, во-первых, о *регрессивной* направленности символической политики лидера, состоящей из процедур упрощения, редуцирования всего многообразия, сложности и неоднородности информации о социально-политической реальности. Подобным образом осуществляется «экономия когнитивных усилий» последователей. Эффективность данной «регрессивной» деятельности определяется общими политико-культурными способами кодирования и декодирования коммуникативных сообщений, уровнем политического доверия к лидеру. Типичным примером в этом отношении являлось редуцирование «политической картины мира» с помощью «классового подхода» в странах мирового социализма, санкционированное и вербализованное государственно-партийным лидером.

Во-вторых, важнейшим аспектом символической политики лидера является ее *номическая* сторона, т.е. наименование и оценка определенных политических событий посредством соответствующей интерпретации и рационализации. Потребность в номинации вызвана тем, что социальная жизнь человека традиционно рождает потребность в понимании новых, а также оценке/переоценке уже известных феноменов. В этой ситуации политический лидер с неизбежностью выполняет нуминозную функцию, высказываясь по поводу тех или иных социально-политических реалий. В качестве примеров можно привести символическую

сатанизацию Рейганом Советского Союза («империя зла»), право на истину в последней инстанции, закрепленное за монархами и тоталитарными вождями, а также интенсивную артикуляторную практику Президента Республики Беларусь, нацеленную на то, чтобы постоянно интерпретировать для последователей различные процессы и явления локального/глобального масштаба.

В-третьих, символическая политика направлена на актуализацию эмоций и аффектов, стимулируя тем самым желательные ассоциации, т.е. она выполняет функцию *аффективную*. Существует множество исторических фактов, свидетельствующих о колоссальной энергетической мощи определенных социальных символов. «Социальная энергетика символа такова, что он может сплачивать, объединять целые нации, народы, классы. Миллионы сходились к кресту, под полумесяц, под звезду... Известна сила социопсихологического воздействия свастики...» [10, с. 97]. Поэтому лидеры, возглавляющие крупные социальные движения, для того, чтобы придать дополнительные энергетические импульсы последователям, обязательно «вводят» в политический процесс определенные символические системы. Наряду с этим, они часто с целью ментальной дезорганизации политического противника интенсивно разрушают прежние символы, что с наибольшей очевидностью выступает в деятельности революционных лидеров.

В-четвертых, символическая политика связана с осуществлением *трансцендентальной* функции, посредством которой в социально-политических процессах обнаруживается особый, скрытый от непосредственного восприятия «идеальный» смысл. Политические лидеры часто используют символические знаки, актуализирующие ментальную историческую память. При этом важно, чтобы эти знаки находились в общем семиотическом пространстве с другими, «кровнородственными» знаками, например, религиозными. В качестве примера можно привести модель ценностно-символических идентификаций, предложенную в постсоветской России президентом Ельциным, в которой состоялась символическая реанимация религиозного и монархического элементов.

В-пятых, символическая политика осуществляет функцию *интегрирующую*, которая направлена на создание «сети» ментальных идентификаций, способствующих формированию «Мы-чувства», с присущими ему способами социального поведения и социальных интеракций. В этом случае политическим лидером используются символические образования, по поводу которых между ним и последователями наличествуют общность смысловых интерпретаций.

В-шестых, символической политике свойственна *регулятивно-манипулятивная* функция, организующая деятельность посредством виртуализации/театрализации социальной действительности, «порождая психическую энергию и направляя ее в нужное русло», превращаясь «в средство овладения поведением человека, способ социальной регуляции этого поведения» [11, с. 30].

Символы не носят императивного характера, а связаны с личностной оценкой, выбором и истолкованием определенной ситуации и/или феномена. В символах доминирующее значение имеет не активность лидера, не «внешнее» принуждение, а те ментальные «отклики», «отзвуки», «образы», которые являются следствием лидерских интенций. Следует отметить, что определенные «дозы» манипулятивных действий свойственны практически всем государственным лидерам, поскольку они традиционно имеют дело с многовекторностью, разноплановостью мотивов членов социума. Вследствие этого они находятся перед необходимостью сведения совокупности мотивов к некоторой общей равнодействующей, что достигается не только через механизмы рационального воздействия на людей, но и посредством совершения лидером манипулятивных

актов. Символическая регуляция при этом осуществляется через символы-цели, символы-идеалы и символы-угрозы.

Историческая практика показала, что в системе политического лидерства основным агентом символической коммуникации выступает сама фигура лидера, иницируя и стимулируя процессы персонификации. «В любых исторических условиях, – пишет Дилигенский, – выбор политической ориентации лишь у меньшинства людей совпадает с выбором политической концепции. У большинства политический выбор связан с выбором персонифицированным... Чувственно воспринимаемый образ политиков – это для большинства людей единственно доступный источник суждения о гарантиях осуществления разделяемых ими политических целей... В постсоветской России персонификация носит гипертрофированный характер: при отсутствии ясных политических программ и осуществляющих их партий, приходится ориентироваться на отдельных политиков» [12, с. 336-337, 340].

С наибольшей силой потребность в персонификации проявляется в социальных системах, в которых у основной части населения наблюдается дефицит рационально-системного мировосприятия, а социальные отношения представляются непонятными и запутанными.

Подобная «непонятность» эффективно преодолевается посредством идентификации с фигурой политического деятеля, поскольку человеческие качества представляются более очевидными и наглядными, чем политические идеологии. В этом случае внимание человека фокусируется на образе политического лидера. «Структура образа обычно состоит из сравнительно устойчивых и ряда переменных характеристик. К устойчивым относятся, прежде всего, социальные и социально-политические оценки... Переменными являются характеристики, отражающие набор актуальных... ожиданий» [13, с. 50]. При всем интересе к личности лидера, основу персонификации составляют, тем не менее, не его личностные качества и мотивы, а олицетворение им определенных политических процессов и явлений.

Символическая персонификация традиционно проявляется на трех уровнях. Во-первых, это уровень социально-психологический, в рамках которого политические лидеры символизируют определенные человеческие качества: компетентность или некомпетентность, ответственность или безответственность, решительность или нерешительность, аффективность или ригидность и др.

Существует также социально-политический уровень символической персонификации, дающий личностную номинацию конкретным политическим процессам и ценностям. Например, эффективность политического лидерства де Голля во многом связана с тем, что он персонифицировал систему политических ценностей, связанных с нацией, независимостью Франции, Соппротивлением, надпартийностью, став, в конечном счете, сам целенаправленно и педантично организованным мифом.

Процессы политической персонификации имеют под собой и архетипическую основу. Архетип мы рассматриваем не в «юнговском» (иррациональном) значении в качестве конституирующего элемента коллективного бессознательного, а как властный «первообраз», закрепленный в традициях, коллективном и индивидуальном мышлении, структурах общественного и обыденного сознания, переходящий от поколения к поколению. Имея начало в мифологическом мировосприятии, архетип вызывает у членов политического социума, живущих в различные исторические эпохи, однотипные чувства и ассоциативные властные образы.

Исторически существует три основных архетипа политического лидера: Отец, Герой, Идол/Пророк. Образ Отца в системе политического лидерства доминирует

в тоталитарных и авторитарных режимах. Фигура же Героя является обязательной для лидерства в период социальных потрясений. По этой причине, например, оказалось возможным лидерство Ельцина, воплотившего, по утверждению Щербининой, «извечное нуминозное начало, служившее основанием древнему культу героев... Одномоментный архетипический «выброс» и обеспечил ему победу на президентских выборах» [14, с. 50].

Архетипический образ Идола/Пророка характерен для харизматического лидерства в силу имманентно присущей ему иррационально-трансцендентной природы. Первым историческим проявлением персонификации политического лидерства является сакрализация личности лидера, «приписывание» ему субстанционально-религиозной природы. В той или иной степени, в той или иной форме тенденция «приписывания» политическому лидеру сверхъестественных личностных качеств проявлялась на протяжении столетий. При этом необходимо учитывать, что по мере развития общества происходила «формализация», «рутинизация» личностной харизмы, перенесение личного на статусно-ролевое и институциональное.

Политические символы представляют собой, таким образом, «политический дизайн», который воздействует на мир политических представлений членов социума, актуализируя и трансформируя его. Это означает, что современные политические лидеры должны в полной мере овладеть искусством ведения эффективных символических коммуникаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Edelman M.* Politik als Ritual. – Frankfurt/ New York, 1976.
2. *Московичи С.* Век толп. – М., 1996.
3. *Sarcinelli U.* Symbolische Politik und politische Kultur // Politische Vierteljahresschrift, Jg. 30, 1989, Nr. 2.
4. *Баталов Э.Я.* Современная политическая культура современного американского общества. – М.: Наука, 1990.
5. *Hitzler R. & Kliche T.* Zwischen Sozialtechnologie und Heiligkeit: Symbolpolitik und Symbolisierende Politik // Zeitschrift fur Politische Psychologie, Jg. 3, 1995, Nr. 4.
6. *Мисуров Д.А.* Политическая символика: структура и функции // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 1999. – № 1.
7. *Sarcinelli U.* Symbolische Politik und politische Kultur// Politische Vierteljahresschrift, Jg. 30, 1989, Nr. 2.
8. *Аверинцев С.С.* Символ // Краткая литературная энциклопедия. – Т. 6. – М., 1971.
9. *Neuberger O.* Führen und geführt werden. – Stuttgart, 1990.
9. Там же.
10. *Антонов В.И.* Символизация в контексте социокультурных процессов// Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 1997. – № 4.
11. *Степнова Л., Грибакина Н.* Политический символ как способ политической коммуникации // Прикладная психология и психоанализ. – 2000. – № 1.
12. *Дулигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. – М.: Новая школа, 1996.
13. *Пищулин Н.П.* Политическое лидерство и электоральный процесс // Полис. – 1998. – № 5.
14. *Щербинина Н.С.* Политика и миф // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 1998. – № 2.

SUMMARY

The place and role of symbolic communications in the system of political leadership are defined in the article. The main functional characteristics of symbolic activities of political leaders are distinguished. The distinctions between symbolic and situational leadership are drawn. The processes of personification composing the gist of symbolic communications are analyzed.